

КОГДА ЕЕ СОВСЕМ НЕ ЖДЕШЬ

новая книга Габриеля Гарсия Маркеса на русском

МАРИЯ ТЕРЕЩЕНКО

Вот уж не чаяли мы так быстро получить русский перевод «Вспоминая моих грустных шлюх».

Переговоры о правах на Маркеса давно зашли в тупик: по закону поздние книги этого писателя в России издавать нельзя. Законность, конечно, законностью, однако как не испытывать благодарности к контрабандистам, которые на свой страх и риск пересекают государственные границы с ценным товаром. Сожаление вызывает лишь то, что груз оказался несколько подмочен: перевод, редаKTура и корреKTура книги оставляют желать лучшего.

Литературе известно множество персонажей, не способных на любовь и никогда любви не переживавших. В своей новой книге Маркес делает фантастическое предположение, будто такой вот человек на закате жизни, отбыв свои почти сто лет одиночества, вдруг переживает первую любовь. Если задуматься, эта история будет страшнее любых «Чужих» или сказок о конце света — столько в душе героя должно

быть и сожалений о бесцельно прожитых годах, и опасений перед новым опытом, который так непросто принять в преклонном возрасте.

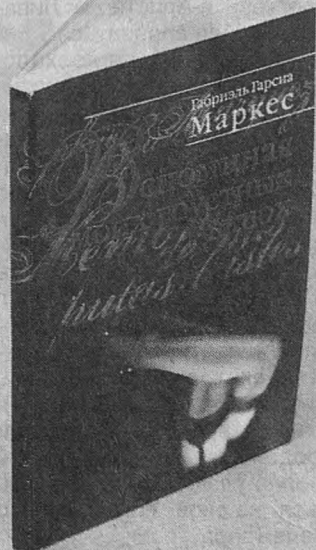
Легко можно представить, что из этой завязки вытащил бы психолог от литературы, какая-нибудь Айрис Мердок. О, она бы сумела заставить читателя содрогаться от отвращения и жалости к безумному 90-летнему старику, запавшему на 14-летнюю девоч-

ку, с извращенным удовольствием она изучала бы анатомию этого чувства, описывала бы каждый уродливый его бугорок и нездоровую припухлость. На первых страницах «Вспоминая моих грустных шлюх» кажется, что Маркес пойдет по тому же пути. Его персонаж, журналист, хочет отпраздновать свое 90-летие в объятиях молодой девиственницы, которую он заказывает у своей давней приятельницы — хозяйки борделя. Этот откровенный сюжетный ход был анонсирован во всех новостях, посвященных книге (еще даже за некоторое время до ее выхода), и возбуждал нездоровое читательское любопытство. Но те, кто ждет от книги скабрезностей, будут жестоко обмануты — никакой клубнички, только нежность, романтика и возвышенные чувства. К концу романа Дельгадина так и останется девиственницей: ни в первое, ни в последующие свидания герой не решится разбудить спящую хрупкую девочку.

Анатомия порока Маркеса явно не интересует. Так же как и не пленяет его дешевая скандальная слава. Сейчас, как и полвека назад, он пишет об одиночестве и о любви. Его книга старомодно-романтична и сентиментальна. По Маркесу, любовь всегда прекрасна, независимо от того, как выглядит она со стороны. Писатель по-детски наивно восхищается этим чудом, будто отрицая и Фрейда с его теориями, и даже самый наш циничный век, обязательно сделавший бы посмешище из такой неравной любви.

Конечно, Маркес уже не тот. Его метафоры не так остры и неожиданны, рассказ уже не увлекает читателя в свой водоворот подобно стремительной горной реке. В повествовании появилась неуклюжесть, натянутость, да и сама идея вполне банальна. Все это вместе — неплохой повод устроить пляску на костях некогда великого писателя и под радостные вопли «Акела промахнулся» смешать с грязью долгожданную книгу, наверняка ставшую для многих разочарованием. Но не меньше поводов дает роман для того, чтобы восхититься постоянством, с которым автор выводит свою грустную песню, — пусть голос

его охрип и интонация уже не столь точна: в старом напеве угадывается прекрасная мелодия. И есть что-то невыразимо трогательное в том, что после «Ста лет одиночества» автор пишет сентиментальную повесть о первой любви.

Габриель Гарсия Маркес. Вспоминая моих грустных шлюх / Пер. с исп. Л. Синянской. — М.: Онлайн, 2005. — 160 с.